

Канэко Мицухару

Перевод с японского и вступление
А. ДОЛИНА

Канэко Мицухару (род. в 1896 г.)—один из крупнейших японских поэтов XX века. Его стихи, написанные простым, разговорным языком, близки и доступны читателю. Обращает на себя внимание композиционная стройность каждого стихотворения, оригинальность художественных приемов, богатство и красочность образов. Все свои творческие силы, весь могучий самобытный талант поэт отдает делу борьбы за торжество свободы, демократии и гуманизма.

Канэко начал писать в ранней юности, когда ему было всего двадцать лет. Вдохновляясь идеалами демократического общественного движения, он примыкает к школе символизма в поэзии и в 1919 г. публикует свой первый сборник «Дом на красной земле». Широкая эрудиция и прекрасное образование (Канэко обучался в двух столичных университетах, а также в Токийской художественной школе) объясняют знакомство поэта с произведениями французских символистов, с творчеством Уитмена и других поэтов. У себя на родине Канэко становится ведущим поэтом неосимволизма. Широкую известность ему приносит сборник лирических стихов «Майский жук», встретивший восторженные отзывы в критике.

Однако в конце 20-х годов, чувствуя, что его поэзия отстает от духовных запросов современности, Канэко принимает решение оставить литературную деятельность и на семь лет отправляется в путешествие по странам Европы и Юго-Восточной Азии. Глубокое осознание происходящих в мире перемен помогает поэту вновь обрести веру в свои силы и стать на путь создания реалистической поэзии, исполненной высокого гражданского мужества.

После возвращения Канэко в Японию в 1937 г. выходит его новый сборник «Акулы», прозвучавший как вызов кровавой диктатуре фашизма, как призыв покончить с хищниками, несущими смерть и неисчислимые бедствия народам мира.

В период разгула реакции в стране Канэко Мицухару, наотрез отказавшись сотрудничать с милитаристскими властями, уезжает из Токио в отдаленное горное селение. Восемь лет длится молчание, на которое добровольно обрек себя поэт. Но Канэко не сдаётся. Его стихи, написанные в те годы, становятся голосом совести японского народа, голосом демократической японской интеллигенции, продолжающей напряженную идейную борьбу и верящей в победу добра и справедливости.

Стихам Канэко суждено было увидеть свет только после войны. Выходят его сборники «Парашют», «Песни чертенка», «Человеческая трагедия» и др. Публикуются его переводы стихов Верхарна, Рембо, Арагона. За книгу стихов «Человеческая трагедия» Канэко присуждена литературная премия газеты «Иомиури».

Война

В тысячный раз я спрашиваю себя,
я, один из ста миллионов верноподданных,
один из ста миллионов Сопrotивления:
«Что же такое война?»

Война — это когда бесконечно льется кровь,
бесцельно впитываясь в сухую землю,
льется кровь от крови моей,
а я не знаю, не вижу, не чувствую.

Все то же у нас и у врага,
когда идешь на смерть,
потому что «нужно победить!»,
когда сковороды и решетки мостов
переплавляют на пушки и военные корабли.

Когда без излишних раздумий и сантиментов
людей формуют, как черепицу,
и партиями отправляют умирать
девятнадцатилетних сыновей
и пятидесятилетних отцов.

Девятнадцатилетний сын
и пятидесятилетний отец,
подчиняясь одной команде,
поворачиваются налево,
поворачиваются направо,
целятся в яблочко одной мишени.

К чему нам думать
об их отцах,
об их сыновьях?
Ведь перед нами враг.

Что ж, кто знает...
Может быть, нет ничего прекраснее, чем война.
Нет занятия более приятного, чем война.
Нет жизни слаще, чем жизнь солдата.
Нет чести выше, чем смерть на поле брани.
Сынок! Разве ты не счастлив,
что в этой войне мы связаны общей судьбой?

Девятнадцатилетний сын
и пятидесятилетний отец,
обряженные в одинаковые мундиры,
горланят одинаковые марши.

Ночь

До весны еще далеко.
Над снегами
в безмолвии дремлет
лиственничный лес.

За клубами тумана,
что выдохнула темнота,
в чаще прячется ночь
цвета индиго с серым.

Я прислушался.
Там, в бездонной печальной тиши
поднимается рокот
неведомой скорби.

Белым бельмом
толстый слой льда на озере.
Спит вода в заколоченном гробу.
Черной родинкой просвечивает прорубь.

Наклонившись, я слушаю
в глубине, подо льдом
грозный ропот погибших,
отзвук древних раздоров.

Черная, беззвездная ночь
придвинулась влажным телом
и слушает
вместе со мной.

Крадущийся шаг
бесконечных превращений —
мягкая поступь кожаных подушечек
кошки, спрятавшей острые когти.

В неслышном грохоте,
во всеобщем крушении мира
хлещет алая кровь
из моей пробитой груди.

Ах, девятнадцатый век
с его сладкими грезами!
Он лишил людей испытанной веры.
Так извлекают улитку из раковины.

И вот бедный двадцатый век
дрожит в своей наготе.
Никакие идеи, призывы, обещания
уже не согревают людей.

Нас кружит вихрь
и швыряет бог знает куда.
Но зачем же, ради чего?
Некогда даже узнать зачем.

Мы слышим, что Пиза разрушена,
что Вена в огне.
Днем и ночью над лиственничным лесом
мчатся ревущие «боинги»,
чтобы испепелить Токио.

Но сегодня ночью
молчат и они.
Забывшаяся в усталости тишина.
В тяжком раздумье
застыл лиственничный лес.

Над ним — народившийся месяц.
Золотой круг,
растопленный языком тьмы,—
словно сонно сощуренный глаз.

Песня, сложенная на берегу озера

Даже в минуты счастья вы влечете меня к
смерти

Пивер де Сенанкур

Закрыв глаза, прячась от людей,
я бежал,
бежал к этому озеру,
где можно пальцы окунуть в синеву.

По берегам
сгрудились кристаллические громады.
На холодных скалах
высятся молодые ивы.

Сумрачные горы
пестреют пятнами снега.
Словно розовое вино,
горы под солнечными лучами.

Безмятежно
заходит солнце —
так исчезает во тьме
огонек светлячка.

Я пришел бродить по снежным тропам,
слушать голубей в лиственничном лесу.
Я бежал от тех, чьи сердца очерствели,
чьи помыслы днем и ночью — лишь о войне.

Одинокий слепец,
как во сне я добрался сюда,
чтобы стоять над замерзающим озером...
Все дальше и дальше продвигается кромка льда.

Свою непокорную душу
и стихи, страшась чужих глаз,
я принес схоронить подо льдом до весны
или до прихода смиряющей смерти.

Я бежал
от духовной нищеты,
от страшного беззакония,
от бешеной травли.

Покинув тех, кто не выдержал,
расставшись с павшими духом,
я ушел из милой комнатухи,
где провел столько лет.

Все обращается в прах.
Я бежал от безумия бесчеловечности.
Но оттуда доносятся и мои стоны.
Тревожно вокруг. Вдали догорает закат.

Падают с ветвей облачка снега.
Тихий шелест сухих цветов хаги.
Музыка мертвой воды
звучит под покровом льда.

И приходит ночь.
Оживают бесчисленные звезды.
Холодная роскошь
изукрашенного свода небес.

Маяк

I

Не тщись заглянуть в глубину небес.
Там, в глубине,
кишмя кишат бессмертные.

В сладком желе эфира
плавают перья из ангельских крылышек,
вылезшие ястребиные перья.

Боги потеют. Бьет в нос тяжелый дух —
пахнет раскаленной бронзой.

Не тщись заглянуть в глубину небес —
ослепнешь от блеска.

К нам нисходит оттуда
благословение власти
и кара
для святотатцев.
В самой середке небес,
куда возносятся души праведников,
торчит белая свечка —
маяк.

2

Небесный светильник. Путеводный огонек.
(Блаженны нищие духом.)
Тонкий стебелек.
Лысый Сократ...
И восходит солнце в курящемся фимиаме роз.

Вот мы кружимся вокруг маяка.
Наши взгляды скользят по известковой стене.
Издали, издали смотрят на вершину
наши гноящиеся глаза.

Бог. Троица. Любовь. Вечная истина.
Наконец-то мы нашли рассадник высоких слов —
видите эту каплю молока в струящейся лазури?

Боги в глубине небес
громко откашливаются, кряхтят, сопят —
и маяк
подрагивает, как большое ухо.

3

Когда-то я ненавидел небо,
боялся читающих в моей душе.
И я закричал, глупец:
«Нет там никаких богов!»
Нет? Но откуда же взялись
все грозные заповеди?
С рождения мы отданы в рабство богам.
Боги властны над нашим телом.
Если боги требуют жертву,
мы без колебания должны отдать жизнь.

Недоступные
для камней, крыльев, плевков и пуль,
созерцают они наш мир.

В горе и муке,
вспомнив ужасы, ниспосланные небом,
я закричал:
«Вот, вот они! Да стащите же их оттуда!»

Но на нас, дерзких,
на пожелавших свободы,
обрушилась кара небес —
гром.
Нет, нет.
Просто жужжат назойливые оводы.
Они выются над маяком.
Грозно гудит их рой.
Один... Еще один...
Это, оскалив холодные клыки,
летят возвестить волю богов
пять бомбардировщиков.

■